

Селюнина О. А.

ЗАТО КАК СРЕДСТВО ОФОРМЛЕНИЯ ВТОРОЙ ЛИНИИ СВЯЗИ В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПОСТРОЕНИЯХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/75.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-180. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

семьи «причина, основа и место рождения и жизни» в смысловом содержании лексической единицы наблюдается прямо противоположный ей компонент «причина, результат и место смерти, гибели» (прах; могила). Отсюда следует ряд понятийных моделей: родина как первопричина и место рождения и гибели (отмечается интенция субъекта родиться и умереть на своей родине, родиться и жить ради родины); родина как объект и причина жертвенности (отмечается необходимость субъекта бороться и погибать за родину); жертвенность за родину как обретение жизни («причина, результат гибели» имеет при себе сему «причина и место рождения»), самопожертвование за родину как высшая ценность).

Таким образом, суммируя все вышесказанное, родина для курда - это «свое [геополитическое] пространство, основа и первопричина рождения и жизни, место рождения, проживания и гибели какого-либо народа, которое принадлежит данному народу, за которое следует бороться, высшей ценностью является самопожертвование ради него».

Список использованной литературы

1. Курдоев К. К., Юсупова З. А. Курдско-русский словарь (сорани). М.: Русский язык, 1983. 752 с.
2. Персидско-русский словарь: в 2 т. / Ю. А. Рубинчик и др. Тегеран: Джоведон-е хорд, 1381.
3. 0880. جەمەل زەنجەر. وەش ئاھەبە ئێخەم وەش ئای زەمەل یەکوردی.
4. 4804. دەژار (عبدالرحمن شەفەقەدی (فەرەنگێ کوردی فەلسەفەیی بە مەزان بێرووش، 4804.

ЗАТО КАК СРЕДСТВО ОФОРМЛЕНИЯ ВТОРОЙ ЛИНИИ СВЯЗИ
В ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ПОСТРОЕНИЯХ

Селюнина О. А.

Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия

Основной функцией служебного слова *зато* является функция связи, которая реализуется им как в тексте, так и в пределах предложения - простого и сложного. Однако, несмотря на наличие у данного слова союзной функции, вопрос о его морфологическом статусе является дискуссионным. С одной стороны, его относят к союзам [Галкина-Федорук, 1958; Ляпон, 1986; Санников, 1989; Объяснительный словарь русского языка, 2002; Апресян, 2004; Ефремова, 2004; Словарь наречий и служебных слов русского языка, 2005], с другой стороны, он попадает в рубрику гибридных, переходных слов. Так, например, В. В. Виноградов считает, что *зато* подводится «одновременно под категории союзов и наречий» [Виноградов, 1986, с. 578], а Б. И. Осипов называет *зато* «промежуточной категорией между наречием и частицей» [Осипов, 2005, с. 319]. Ван Лиган в диссертационном исследовании, посвященном слову *зато*, приходит к выводу о том, что оно может занимать позицию союза и частицы, при этом по целому ряду важнейших формальных аспектов, а главное, по семантике *зато*-союз и *зато*-частица тождественны. Однако, на наш взгляд, выводы автора несколько противоречивы. С одной стороны, различия *зато*-союза и *зато*-частицы признаются исключительно формально-позиционными, так что «В онтологическом аспекте (в аспекте тождеств и различий) это одно и то же слово...» [Ван Лиган, 1994, с. 5]. С другой стороны, исследователь соглашается с традиционным мнением о наличии двух слов, а именно *зато*-союза и *зато*-частицы: «традиционная концепция *зато* как союза и как частицы нами не отвергается» [Там же, с. 20].

Нередко ученые вообще избегают частеречной характеристики *зато*, замещая ее синтаксической. В таком случае *зато* получает статус аналога союза [Ломов, 2007], скрепы [Усова, 1985], коннектора [Инькова-Манзотти, 2001]. Эти во многом совпадающие термины подчеркивают наличие у *зато* союзных функций: функции выразителя отношений и функции связи.

Выполняя союзные функции, *зато* может занимать позицию между связываемыми с его помощью компонентами (словами, предикативными единицами, предложениями, абзацами), гораздо реже *зато* находится внутри второго компонента, например: *У меня нет самостоятельного мышления! У меня есть зато самостоятельное отношение кое к чему, благодаря знакомству с прекрасными и выдающимися подследственными...* (Ю. Алешковский). Такая позиция не свойственна собственно союзам.

Еще одна несоюзная позиция *зато* - это позиция второго средства связи. Под вторым средством связи мы понимаем служебный или полуслужебный элемент, выполняющий союзную функцию при наличии другого средства связи (союза, союзного слова), после которого он обычно располагается. Такое употребление *зато* находится в центре внимания в данной статье. При этом мы рассматриваем только полипредикативные построения, в которых *зато* участвует в оформлении второй линии связи.

Позиция второго средства связи у *зато* возможна в том случае, если данная лексема употребляется при сочинительном союзе *но* (реже - *а*, *да*) в сложносочиненном (1) или многочленном сложном (2) предложениях. Например:

(1) Он выбрался на траву и пошел по ней - ноги сразу промокли, **но зато** грязь с мокасин быстро обтерлась о сырые стебли (В. Пелевин); *Ишь, закорючки какие, - думал Жуткин, - а зато, говорят, сила в них живет немалая* (Ю. Мамлеев); *Оно, конечно, ученый из меня не вышел, да зато я родителей не слушался, старость их успокоил* (А. П. Чехов); *Они не испугаются направленного на них пушечного дула, но зато им будет страшно остаться в темной комнате* (Ю. Олеша); *Мы не даем чувству умереть, мы срезаем его, как цветок. Это немного больно, но зато потом не остается ни обиды, ни горечи* (Б. Акунин).

(2) *И непременно не одного его обыскать, а и меня, и Ванскок, понимаете, чтоб он не видал нить интриги, **но чтобы зато** была видна нить хода бумаг (Н. С. Лесков); ...им спутали ноги и пустили их обоих на одной веревке, о которой Висленев минутами позабывал, **но о которой зато** Павел Николаевич помнил постоянно (Н. С. Лесков); Железная, привинченная к стене койка, а у противоположной стены - железный столик и откидная табуретка, на которой очень мучительно сидеть, **но которую зато** хорошо видно надзирателю в глазок (Е. Гинзбург); *Но говорят и пишут <...>, что здесь нет отелей; что иностранцы, после 11-ти часов, удаляются из города, который на ночь запирается, что остановиться негде, **но что зато** все гостеприимны и всякий дом к вашим услугам (И. А. Гончаров).**

Следует отметить, что построения (2) практически не исследовались, в то время как построения (1) регулярно попадают в поле зрения лингвистов. Показательно, что в академических грамматиках [Грамматика современного русского литературного языка, 1970] рассматривается только этот вариант функционирования *зато*, в то время как самостоятельное употребление данной лексемы отдельно не анализируется.

В предложениях (1) *но зато* обычно квалифицируют или как единство, составную союзную скрепу, сложное союзное образование [Усова, 1985, с. 143; Словарь служебных слов русского языка, 2001, с. 110; Кустова, 2005, с. 226], или как относительно свободное сочетание союза и его конкретизатора [Черемисина, 1987], которое как целое выполняет функцию союзной скрепы, при этом с морфологической точки зрения конкретизатор *зато* рассматривается как частица [Санников, 1989, с. 191].

Есть и противоположное мнение. Так, авторы «Русской грамматики» 1979 г. среди сопоставительно-противительных сложносочиненных предложений с ограничительным значением выделяют такие, которые образованы сочетанием двух союзов: *но* и *зато* [Русская грамматика, 1979, с. 923]. Возражает против статуса конкретизатора и Ван Лиган: «*зато* не является некоторым подсобным средством (конкретизатором) противительных отношений. Он сам является их полноправным носителем...» [Ван Лиган, 1994, с. 8].

Значение *зато* определяется как возмещение, компенсация [Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Санников, 1989; Апресян, 2004], реже - сопоставление с оттенком возмещения [Валгина, 1991], уступительно-возместительное [Осипов, 2005]. Возместительность на правах семы входит в структуру противительного значения. Именно поэтому предложения с *зато* имеют семантическое сходство с построениями, образованными с помощью одного противительного союза. Однако по сравнению с союзом *но* слово *зато* используется в относительно узкой семантической сфере - там, где несоответствие осмысляется как возмещение. При замене *зато* противительным союзом значение возмещения становится намного менее явным, поскольку утрачивает знак, эксплицирующий его. Ср.: *Зиночка уже частенько уходила от меня к себе домой, **но зато** по ночам ко мне стал приходить новый, непонятный, ошеломивший меня гость* (Ю. Мамлеев) и *Зиночка уже частенько уходила от меня к себе домой, **но** по ночам ко мне стал приходить новый, непонятный, ошеломивший меня гость*.

Сравнение построений с *но* и *зато* с построениями, части которых связаны только при помощи *зато* (ср.: *Зиночка уже частенько уходила от меня к себе домой, **зато** по ночам ко мне стал приходить новый, непонятный, ошеломивший меня гость*), позволяет сделать вывод о том, что в обоих случаях между предикативными частями устанавливаются отношения возмещения. Это свидетельствует в пользу того, что в конструкциях с *но зато* основным выразителем отношений является второе средство связи. Однако разница в значении между сравниваемыми построениями все же есть. Она состоит в более четком противопоставлении предикативных частей, объединенных при помощи *но* и *зато*, по сравнению с противопоставлением частей построения с *зато*. А это значит, что в выражении отношений в конструкции с *но* и *зато* принимают участие оба компонента. Второй связующий компонент несет основную семантическую нагрузку только в силу своей большей лексичности. Кроме того, наличие союза, вероятно, дает большую свободу для реализации *зато*. Так, В. Ю. Апресян считает, что лексема *зато* обычно «синтаксически вводит указание на желательную и более сильную ситуацию», но может вводить и нежелательную ситуацию, однако в этих редких случаях она, «как правило, употребляется в комбинации с *но* или с союзом *да* в значении 'но'» [Апресян, 2004, с. 17]. Ср.: *Но иногда по ночам из комнатушки Саши доносилось пение. Слабо доносилось, **но зато** пел он часа по два, по три* (Ю. Мамлеев); *Допустим даже, что земное зло - кстати, очень наивное, - как-то разъяснится, **но зато** может открыться новое зло, более глубокое и страшное...* (Ю. Мамлеев).

Мысль о союзном единстве *но зато* мы отвергаем и на том основании, что данные служебные слова занимают разные позиции. Чтобы доказать это воспользуемся методом Е. Н. Ширяева [Ширяев, 1980], который нацелен на строгое различие позиции сочинительных и подчинительных союзов. Согласно Е. Н. Ширяеву, синтаксическая схема с позициями для сочинительного и подчинительного союзов совпадает с моделью многочленного сложноподчиненного предложения с однородным соподчинением: $A[(yB)x(yB)]$, где *y* - позиция подчинительного союза/ союзного слова, *x* - позиция сочинительного союза. При этом оказывается, что «позиции союзов *x* и *y* противопоставлены в том смысле, что все союзы, употребляющиеся в позиции *x*, не могут быть в позиции *y*, и наоборот» [Там же, с. 50]. Для нас важно проверить, будет ли сочетание *но зато* занимать одну позицию. Итак, трансформируем полипредикативное построение, части которого связаны при помощи *но зато*, в многочлен с однородным соподчинением предикативных частей. Ср.: *Пришлось потрястись и поглотать пыли, **но зато** теперь до цели было рукой подать...* (Б. Акунин) и *Он сказал, что пришлось потрястись и поглотать пыли, **но что зато** теперь до цели было рукой подать*. В позицию для различения сочинительного союза (*x*) попадает *но*, в позицию для различения подчинительного союза (*y*) оказывается *что*. Слово *зато* не занимает ни позиции *x*, ни позиции *y*. У *зато* иная позиция - позиция вто-

рого средства связи.

Нетрудно заметить, что трансформ отвечает всем признакам построений (2): состоит из трех предикативных единиц, две из которых являются соподчиненными и сочиненными. Мы считаем, что позиция *зато* в сложносочиненном предложении тождественна позиции *зато* в многочлене.

В построениях (1) и (2) соподчиненные предикативные части связаны дважды: во-первых, сочинительным союзом *но* и, во-вторых, скрепой *зато*. Сочинительный союз создает конструкцию «ряд» [Прияткина, 1985], связывая два соподчиненных члена. Связь, формализованную сочинительным союзом, мы рассматриваем как базовую. Над ней с помощью скрепы *зато* надстраивается еще один ярус связи. И в этом отношении связь, формализованная при помощи *зато*, является «вторичной» [Там же, 1970], а *зато* служит линейным показателем вторичной связи. Вторичная связь накладывается на сочинительную связь, не отменяя ее и не разрушая базового построения. Построения типа (1) и (2) представляют собой модификацию конструкции ряд, возможную благодаря наложению на базовую конструкцию ряд вторичной связи [Селюнина, 2009]. Формальный принцип конструкции с вторичной связью, по нашему мнению, состоит в том, что вторая (вторичная) линия связей строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой синтаксически оформленное построение.

Вторичная связь, формализованная *зато*, имеет иную природу, нежели базовая связь. Если сочинительная связь - это связь предложенческого уровня, то вторичная связь - это связь текстового уровня. *Зато* является показателем текстовой связи, которая реализуется как в тексте, так и в рамках предложения.

Связь текстового уровня является вторичной в том случае, если она наслаивается на связи другого синтаксического уровня. Если такого наслаивания не наблюдается, то вторичная связь не возникает. Например, с помощью *зато* формализованы текстовые связи в предложении *Каменка приносит в год около ста тысяч дохода (экономия и завод), но нужно, впрочем, заметить, что в последние годы на завод было положено много денег, а, с другой стороны, качество бураков ухудшилось, так что доход несколько уменьшился, но нужно надеяться, что зато в следующие годы дело пойдет лучше прежнего, так что в среднем результате доход Каменки можно все-таки считать в сто тысяч* (П. И. Чайковский). Скрепа *зато* здесь связывает два фрагмента: «в последние годы <...> доход несколько уменьшился» и «в следующие годы дело пойдет лучше прежнего», способствуя оформлению между ними возмездительных отношений. Ср.: *В последние годы доход несколько уменьшился, зато в следующие годы дело пойдет лучше прежнего*. Иной связи между данными фрагментами нет. При этом следует отметить, что второй фрагмент имеет еще одну линию связи. Ср.: *нужно надеяться, что в следующие годы дело пойдет лучше прежнего*. Однако текстовая связь не наслаивается на присловную подчинительную связь. Следовательно, текстовая связь в данном случае не квалифицируется как вторичная.

Итак, употребляясь для связи частей полипредикативных структур совместно с сочинительным союзом *но* (*а*, *да*), *зато* функционирует в позиции второго средства связи на правах самостоятельной скрепы, имеющей текстовый характер. *Зато* в этой позиции совмещает свойства союза (функция связи и выражения отношений) и частицы (употребление в одном построении с сочинительным союзом, неинициальная позиция). Наличие двух средств связи союзного типа в одном предложении приводит к возникновению двух линий связи, одна из которых оформлена союзом, вторая - словом *зато*. Такое двухъярусное строение и двойная связь являются формальным принципом конструкции, в организации которой участвуют *но* (*а*, *да*) и *зато*.

Список использованной литературы

1. Апресян В. Ю. «Компенсация» и «оговорка» в русском языке (лексемы ЗАТО и (ВОТ) ТОЛЬКО_д) // Русский язык сегодня: сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2004. Вып. 3.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учеб для вузов. М.: ВШ, 1991. 432 с.
3. Ван Лиган. Синтаксические построения со словом «ЗАТО» и вопрос о его значении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1994. 20 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: ВШ, 1986. 640 с.
5. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Просвещение, 1958. 199 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
7. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель, 2004. 814 с.
8. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование): автореф. дис. ... докт. филолог. наук. М., 2001. 54 с.
9. Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеева В. А. Синтаксис современного русского языка: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 256 с.
10. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 416 с.
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 201 с.
12. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под. ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель, 2002. 432 с.
13. Осипов Б. И. Краткий курс русского языка: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 374 с.
14. Прияткина А. Ф. Внутрядные отношения как объект конструктивного синтаксиса // Служебные слова и синтаксические связи: межвуз. тематич. сб. Владивосток, 1985.

15. **Прияткина А. Ф.** К изучению союзных связей «вторичного» характера // Современный русский язык: уч. зап. Дальневосточ. ун-та. Владивосток, 1970.
16. **Русская грамматика:** в 2-х т. / под. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
17. **Русская грамматика.** Прага, 1979. Т. 2.
18. **Санников В. З.** Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989. 226 с.
19. **Селюнина О. А.** Многочленное сложноподчиненное предложение с отношениями смысловой зависимости между соподчиненными придаточными частями в аспекте конструкции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2009. № 2 (21): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3-х ч. Ч. 2.
20. **Словарь наречий и служебных слов русского языка** / сост. В. В. Бурцева. М.: Рус. яз.-Медиа, 2005. 750 с.
21. **Словарь служебных слов русского языка.** Владивосток, 2001. 362 с.
22. **Усова Н. В.** О некоторых свойствах скрепы «зато» в противительных конструкциях с союзом «но» // Служебные слова и синтаксические связи: межвуз. тематич. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985.
23. **Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.
24. **Ширяев Е. Н.** Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Филологические науки. 1980. № 2.

ЯВЛЕНИЕ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Семина И. А.

Московский государственный лингвистический университет

В зарубежном языкознании среди широкозначных существительных наиболее активно изучались имена, традиционно понимаемые как абстрактные.

Еще в 30-е годы прошлого века Поутсма [Poutsma, 1929, p. 619-620] и Есперсен [Jespersen, 1927, p. 24-26] рассматривали специфику некоторых широкозначных слов, а именно *fact* и *circumstance*, которые, по выражению Есперсена, могут употребляться, чтобы заместить придаточное предложение, когда оно функционирует в качестве подлежащего, для того, чтобы избежать «трудностей в присоединении дополнения к глаголу», как, например, в случае *this could not conceal the fact that he was growing old*. Есперсен приводит также конструкции с такими абстрактными существительными, выступающими в качестве широкозначных, как *belief* и *idea*: *their belief that* и *the idea that*. Он подчеркивает, что некоторые лингвисты в этом случае не одобряют термин «дополнение», а отмечают, что это «придаточное предложение, выступающее в роли приложения по отношению к предшествующему ему существительному» [Ibidem, p. 21]. Есперсен называет придаточное предложение в подобных конструкциях «content-clause» [Ibidem, p. 23-32], подчеркивая тем самым, что оно раскрывает содержание существительного (*belief, idea* и др.), которое ему предшествует. В грамматике устного и письменного английского языка [Viber, 1999] подобным существительным посвящен целый раздел. Рассматриваются такие широкозначные лексемы как *fact, idea, hope, possibility, doubt*, содержание которых в речи раскрывается в следующих за ними придаточных предложениях, вводимых при помощи *that* (авторы называют их *that-clauses*), а также такие лексемы широкого значения как *chance, attempt, effort, ability* и *opportunity*, содержание которых в речи раскрывается в конструкциях, следующих за данными существительными и присоединяющихся к ним при помощи инфинитива с частицей *to* (авторы называют их *to-clauses*).

В другой грамматике [Quirk, 1985] внимание уделяется таким абстрактным существительным, выступающим в качестве широкозначных, как *statement, advice, opinion, information* и *decision*. Последние употребляются с придаточными, которые авторы называют *reported clauses*, и в которых раскрывается содержание вышеназванных абстрактных имен. Слова типа *thing, case, fact, idea, situation* описываются здесь как средства установления связей, позволяющих «связывать предложения в тексте» [Ibidem, p. 94; 82-83; 94-115].

Фрэнсис утверждает, что существует приблизительно около четырехсот широкозначных слов («broad senses of nouns») [Francis, 1993, p. 148-155] этого типа и подразделяет их на шесть классов. Триста пятьдесят лексем из четырехсот встречаются с высокой частотностью в синтаксической конструкции с придаточным предложением, перед которым стоит *that* (*that-clause*).

В 60-е годы прошлого века философ Вендлер [Vendler, 1968, p. 72-82] обсуждает синтаксические и семантические особенности группы широкозначных слов, которые он называет *имена-контейнеры* (*container nouns*), преследуя, главным образом, философские цели выяснения различия между фактами и событиями. В основе его представления о контейнерах лежала мысль о том, что сочетания глагола-связки с такими словами как *fact* или *idea* могут функционировать синтаксически как контейнеры для придаточного предложения (*that-clause*) в таком примере как *That he died is a fact* [Ibidem, p. 73].

Наиболее известным термином для обозначения широкозначных слов у зарубежных исследователей является термин *general nouns*, введенный Халлидеем и Хасан [Halliday and Hasan, 1974, p. 274-277]. К этому классу слов исследователи относят такие, как:

- *people, person, man, woman, child, boy, girl*, которые обозначают человеческое существо;
- *creature*, обозначающее любое одушевленное существо;
- *thing, object*, обозначающие неодушевленные, конкретные, исчисляемые предметы;
- *business, affair, matter*, обозначающие неодушевленные абстрактные понятия, а также:
- *move* [action];